

что ему угодно. Между тем подъехала первая из четырех галер, перерезала нам путь и бросила якорь близ нашего корабля. В это время Бог послал мне – так я верю – какого-то сарацина, который был из владений императора и имел на себе короткие штаны из грубого полотна; он достиг нашего корабля вплавь и, бросившись ко мне, сказал: «Сир, если вы мне не поверите, вы погибли; вам необходимо для спасения удалиться с корабля и броситься в воду; они не заметят вас, ибо заняты исключительно мыслью об овладении кораблем». Он перебросил мне веревку с их галеры на палубу моего корабля, и я вскочил в воду, и сарацин со мной: я в нем очень нуждался, он меня поддерживал и свел на галеру. Я же был очень слаб от болезни, так что шел, шатаясь, и утонул бы без него на дне реки.

Меня втащили на галеру, в которой находилось около восьмидесяти человек, кроме тех, которые взойшли на мой корабль, и этого бедного сарацина, державшего меня на руках. Вскоре меня перенесли на берег, и все бросились, желая перерезать мне горло, чего я и ожидал: каждый кто меня убил бы, считал бы это за великую честь. Но сарацин, уведший меня с корабля, не выпускал меня из рук и закричал им: «Родственник короля, родственник короля!» А я уже чувствовал ожог у горла и опустился на колени на землю. Но Бог меня спас от опасности при помощи того бедного сарацина, который отвел меня в укрепление, где были сарацины. И когда я явился к ним, они сняли с меня мою кирасу и из сострадания ко мне, видя меня больным, набросили мне на плечи пурпуровое покрывало с зеленой каймой, которое подарила мне госпожа моя мать. А один из них принес белый ремень, которым я подпоясывался сверх покрывала; другой же сарацинский рыцарь одолжил мне шапку, которую я надел на голову. И тотчас у меня застучали зубы, как от великого страха, испытанного мной, так и от болезни. Я попросил пить, и пошли принести мне воды в горшке. Но едва я взял воду в рот, чтобы проглотить, как она вся вышла воп издрями. Один Бог знает, в каком жалком положении я находился в то время! Я рассчитывал скорее на смерть, нежели на жизнь, ибо у меня была опухоль в

горле. И когда мои люди увидели, что вода вышла у меня ноздрями, они начали плакать и печалиться. И сарацин, спасший меня, спрашивал моих людей, чего они плачут. И они объяснили ему, что я осужден на смерть, так как имею опухоль в горле, которая меня задушит. И этот добрый сарацин, постоянно показывавший сожаление ко мне, подошел поговорить с одним из сарацинских рыцарей, который сказал ему, что он меня вылечит и даст мне одно питье, от него я вылечусь в два дня; так то и случилось: я вылечился скоро при помощи Божьей и того питья.

Лишь только я вылечился, как эмир султанских галер послал за мной, чтобы узнать, действительно ли я родственник короля, как то говорили. И я ему отвечал, что нет. И он меня спросил, как же это так? Я отвечал, что мне посоветовал это один моряк, опасаясь, что сарацины, взявшие нас в плен, убьют всех. И эмир мне заметил, что совет был очень хорош. Ибо иначе они нас перебили бы и бросили в воду. Тогда эмир снова спросил меня, не знаю ли я императора пемецкого Фридриха (то есть П, Гогенштауфена, которого автор называет Ferru d'Almaigne), который жил в то время, и не в родстве ли я с ним. И ему сказал правду, а именно, я слышал, что госпожа моя мать была его двоюродной сестрой. И эмир мне отвечал, что за это он меня любит еще больше. И когда мы там ели и пили, он приказал позвать ко мне одного горожанина из Парижа. Когда горожанин увидел, что я ел, он воскликнул: «О сир, что вы делаете?» – «А что я делаю?» – отвечал я. И горожанин напомнил мне именем Бога, что я ем в пятницу. И я тотчас бросил посуду, из которой ел, назад. Видя это, эмир спросил у спасшего меня сарацина, который был постоянно со мной, почему я перестал есть. И он сказал: потому что сегодня пятница, о чем я не подумал. И эмир заметил, что Бог не оскорбится этим, ибо я это сделал не сознательно. И знайте, что легаг, бывший при короле, часто спрашивал меня, зачем я пощусь, когда я так болен, между тем как при короле, кроме меня, нет никого из важных лиц, и говорил, что я делаю худо. Я постился вовсе не потому, что был плешником, и каждую пятницу не ел ничего, кроме хлеба и воды.